

Л.А. Демина
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ АРГУМЕНТАЦИИ
В ОБЛАСТИ ПРАВА

Данная статья посвящена анализу особенностей юридической аргументации. К специфике аргументации в области права относится соответствие аргументации требованиям законности. Ставятся вопросы, касающиеся связи состоятельности аргументации с юридической точки зрения и с точки зрения имеющихся концепций аргументации.

The article is devoted to analysis of the peculiarities of legal argumentation. It ascribes to such peculiarities its correspondence to the demands of legality. The author puts the questions of the strength of argumentation from the juridical point of view and from the point of view of existing conceptions of argumentation.

Ключевые слова: юридическая аргументация, рациональность, законность, правовые нормы.

Keywords: legal argumentation, rationality, legality, principles of law.

В своем выступлении мне хотелось бы остановиться на юридической аргументации, как сфере применения идей, развитых в области теории аргументации и том, как эти проблемы представляются самими юристами. Исследование построено по результатам конференции аспирантов 1-го года обучения МГЮА имени О.Е. Кутафина, тема которой была сформулирована как «Аргументация в науке и праве».

В области теории права особый интерес представляет вопрос интерпретации правовых норм. Данный вопрос юристами ставится как вопрос о необходимости толкования всех без исключения норм права.

В самом деле: правовые нормы не могут быть заранее разделены на ясные и неясные. Чтобы выяснить, ясно ли изложена воля законодателя в правовой норме, необходимо последнюю соответствующим образом интерпретировать.

В чем состоит специфика юридического толкования? Подчеркнем, что интерпретация рассматривается как достаточно кодифицированная процедура. Она разбивается на несколько этапов: начальным этапом толкования норм права считается уяснение их смысла интерпретатором. В качестве интерпретатора выступает, прежде всего, правоприменитель (но возможен и другой субъект). Разъяснение смысла и содержания норм права является следующим этапом процесса толкования. Этот этап предполагает адресата, другого субъекта. Поэтому он имеет внешнюю форму выражения и, как правило, объективируется в форме определённого официального акта – постановления, определения, инструкции и т. п. (В отдельных случаях может быть устная форма выражения – совет, рекомендация, консультация). Процесс толкования, а точнее процесс разъяснения правовой нормы, завершается принятием акта толкования (постановление или определение суда, инструкция органа власти или управления), придающего результатам интеллектуальной деятельности интерпретатора определённую правовую форму.

Учитывая указанные особенности, толкование правовой нормы не может быть произвольным, нельзя вкладывать в правовую норму содержание, независимое от воли законодателя, нельзя толковать норму права исходя из субъективного усмотрения, личного желания, противопоставлять букву закона духу закона, то есть идее, смыслу, назначению. Вопрос здесь только в одном: насколько возможен такой «идеальный толкователь»?

Предполагается, что смысл интерпретируемой нормы един, не может и не должно быть при толковании, соответствующем всем предъявляемым требованиям, двух правильных пониманий одной правовой нормы. Рациональность и требование логической правильности как стандарт состоятельности аргументации здесь связано с требованием, гласящим: юридическое решение должно быть основано на общей норме.

Иногда законодатель использует обороты «и другие», «в аналогичных случаях» и т. д. Тем самым законодатель предоставляет право расширить перечень обстоятельствами, аналогичными тем, которые перечислены в толкуемой норме.

Аргументация играет важную роль в процессе судопроизводства. Причем, необходимость обращения к аргументации возникает не только у лиц, участвующих в деле, но и у самого суда. Суд в большинстве случаев выступает в роли, так называемой, аудитории, на убеждение которой и направлены аргументы сторон, участвующих в процессе. Однако ни одно действие суда не может быть совершено без приведения им своих собственных аргументов, направленных на обоснование причины удовлетворения или отказа в удовлетворении иска, т.е. суд, судья выступает и как аргументатор. Аргументация судьи всегда ориентирована на некую универсальную аудиторию. Поэтому в ней недопустимы «контекстуальные» аргументы («к вере», «к традиции» и т.п.). Таким образом, здесь на первый план выходят именно рациональные способы убеждения, плюс, как отражение специфики юридической аргументации, соответствие требованиями законности.

Применение того или иного способа аргументации зависит прежде всего от характера доказываемых тезисов. Если предмет обоснования служат суждения суда о юридических фактах, пропонент, как пра-

вило, прибегает к такому способу аргументации как прямое эмпирическое подтверждение. Что касается правовой основы судебного решения, то здесь суд прибегает к дедуктивному обоснованию.

Большое внимание в последние годы привлекает деятельность судебных экспертов – именно с точки зрения обоснованности экспертизы, используемых средств и методов, «права» эксперта на ошибку. Сам акт представления данных экспертизы представляет специфический аргументационный процесс. Во-первых, тезисы для эксперта в виде вопросов, выносимых на разрешение эксперта, формулируют участники судопроизводства, главным образом, лицо или орган, назначающий экспертизу. Однако эксперт вправе сам выдвинуть тезис и обосновать его в заключении.

Специфика, как самого тезиса, так и последующей экспертной аргументации обусловлена тем, что лица, назначающие экспертизу, находятся, с одной стороны, в ситуации дефицита информации о необходимом объекте и методах его исследования. С другой стороны, эти лица должны оценивать результаты экспертного исследования, соотнося их с заданными тезисами.

Отсюда возникает вторая особенность экспертной аргументации, обусловленная весьма специфическим характером информации, которой оперирует судебный эксперт. Понимание сущности статуса судебного эксперта как лица, обладающего специальными знаниями, подразумевает, что это лицо привлекается в судопроизводство для решения задач, в которых остальные участники не обладают необходимой компетенцией. Аргументация, как и любой коммуникативный процесс, предполагает субъект-субъектные отношения, однако в качестве адресата экспертной аргументации, зачастую, выступают субъекты, не обладающие знаниями в определенной области, не только

для ответа на конкретный вопрос, но и, тем более, для оценки этого ответа по существу. Поэтому именно в области экспертизы так важна состязательность, конкуренция (например, государственных и негосударственных экспертных организаций).

Проблема экспертизы связана также с практической неизбежностью субъективности выводов. Выводы экспертов не всегда, но зачастую носят эмпирический характер, и основаны на эмпирических методах исследования: наблюдении, эксперименте, индукции. Посредством наблюдения, в частности, осуществляется почерковедческая, экологическая, оценочная экспертизы. Результаты наблюдений оцениваются по определенным правилам как свидетельства, подтверждающие или не подтверждающие основания возможных ответов. Однако эта оценка обычно производится, скорее, по привычке, чем как обдуманная рациональная процедура.

В судебном процессе верификация может происходить через воспоминание. Это проявляется через показания свидетелей и объяснения сторон. Воспоминание никогда не может быть достаточным эмпирическим подтверждением юридических фактов, поскольку объективный или, по крайней мере, рациональный процесс верификации проходит в данном случае через призму субъективного восприятия человека, зависит от умственных и психических особенностей того, кто даёт показания или объяснения. Поэтому одни только показания свидетелей или объяснения сторон не должны ложиться в основу решения или приговора суда.

«Для того чтобы установить смысл предложения, я заранее должен знать вполне определённый приём, устанавливающий когда предложение должно считаться верифицированным», говорил Л. Витгенштейн. Главный парадокс судебного процесса заклю-

чается в том, что формы и средства доказывания (эмпирического подтверждения) установлены законом, однако судья никогда не знает, когда предложение, или тезис, считается верифицированным, поскольку таких правил и приёмов в судебном процессе не существует. Окончательный вывод о том, подтверждён или не подтверждён тот или иной факт, отдаётся на откуп внутреннему убеждению, оценке судьи.

Хотя, справедливости ради, следует отметить, что оценочные суждения, скажем, в делах о защите чести, достоинства и деловой репутации, не рассматриваются как «предмет судебной защиты». Однако на практике в судебных процессах зачастую вызывает сложности отграничения верифицируемых суждений от оценочных, поскольку последние не имеют точного определения и признаков.

Во всех подобных ситуациях важную роль должен играть анализ ошибок в аргументации, следование правилам рациональной дискуссии. Большое значение эти правила имеют в ходе судебного разбирательства дела. Ограниченность времени судебного рассмотрения дела требует сжатого формата аргументации. Учитывая распространённость участия в судебном процессе «мошенников слова», практическая применимость правил ведения спора крайне актуальна.

Как мы знаем, аргументация всегда ориентирована на «разумного» субъекта. Интересное преломление это находит в юридической аргументации.

Юридическая аргументация с использованием аргументов к здравому смыслу в своей основе имеет ряд причин, среди которых наличие неопределённых оценочных категорий в праве. Одной из них является принцип «разумности», присутствующий как в системе континентального, так и общего права. Наличие такой оценочной категории объясняет необходимость

субъектов аргументации апеллировать не к академическим, а к обыденным знаниям, жизненному опыту и личным убеждениям.

Так, в системе общего права существует юридическая презумпция «разумности поведения» («разумный человек»), представляющая собой объективный стандарт оценки индивидуального поведения. Одно из первых упоминаний презумпции «разумного человека» относится к спору *Brown vs. Kendall* (1850 г.) в деликтном праве США.

В указанном деле собаки истца и ответчика устроили драку. Пытаясь прекратить ее, ответчик случайно ударил истца палкой в глаз. В суде ответчик требовал применения так называемого принципа «встречная небрежность». Однако суд присяжных вынес вердикт «виновен». При обжаловании решения вышестоящий суд указал, что в данном деле необходимо было применить презумпцию «разумности поведения», в соответствии с которой поведение ответчика должно было быть рассмотрено с точки зрения «обычной заботливости и осмотрительности».

Дело *Brown vs. Kendall* является не только прекрасной иллюстрацией практического применения презумпции «разумности поведения», но и примером принятия судом присяжных решения, основываясь на собственном жизненном опыте. Так, присяжные должны были определить, основываясь на своих непрофессиональных знаниях, действовал ли ответчик с обычной заботливостью и осмотрительностью; и если действовал, ударил бы он тогда истца в глаз или нет.

В российском законодательстве оценочная категория «разумности» также используется. И, соответственно, перед субъектами юридической аргументации также встает необходимость обращаться не только к профессиональным знаниям, но и к здравому смыслу и жизненному опыту.

Подводя итоги, я отмечу основные вопросы, касающиеся связи права и аргументации и нуждающиеся в решении: как соотносятся критерии, выработанные в юридической теории и практике, в отношении состоятельности аргументации, с концепциями теории аргументации; каким общим и конкретным критериям рациональности должно удовлетворять юридическое решение; как то или иное толкование закона может быть обосновано; какова связь между правовыми нормами и общими этическими нормами и ценностями? Задача применения уже имеющихся результатов и наработок в области теории аргументации в юридическом контексте по-прежнему остается актуальной.

Об авторе

Демина Лариса Анатольевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина, Москва, ldemina05@mail.ru.

About author

Prof. Dr. Larisa A. Dyomina – Head of the Department of Philosophy, O.Ye. Kutafin Moscow State Law Academy, ldemina05@mail.ru.